

Иллюстрация: Василий Верещагин
 «Мир искусства» 190-е годы с уральскими артелями

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН ЧАСТЬ VI. КОНЕЦ ТРУДНОГО ПУТИ

Последние годы жизни Василия Васильевича Верещагина отмечены отчаянной и безуспешной попыткой добиться у официальных властей гарантий на продолжение «наполеоновской» серии картин; поездкой в экзотическую Японию, открывшую для миллионов почитателей новую, неожиданную грань его художественного таланта; очередным разочарованием в способности высших военных российских чинов грамотно и достойно вести войну. И, наконец, трагической гибелью на ходовом мостике броненосца «Петропавловск»...

ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ

Одним из неперемных условий Николая II, после длительных колебаний согласившегося приобрести все двадцать картин «1812 год» за 100000 рублей, было желание, чтобы Верещагин, к предстоящему празднованию столетия Великой Отечественной войны, под непосредственным «кураторством» министра двора барона В.В. Фредерикса написал ряд новых полотен.

Барон запросил у художника «эскизы предположенных к исполнению картин из эпохи 1812 года». Василий Васильевич 26 января /8 февраля 1903 года мягко урезонивает вельможу: «... спешу уведомить Вас в том, что никогда не пишу эскизов для моих картин, а вырабатываю их в голове, обыкновенно в продолжение многих лет, после чего переношу прямо на полотно. Не сочтите это за каприз — я искренне думаю, что предварительное исполнение картины в малом виде отнимает у художника часть энергии

и вдохновения...». В этом же письме, имея в виду великого князя Владимира Александровича, крайне неодобрительно отзывавшегося о его исторических полотнах, он дает понять, что всегда готов принять объективную критику, а тем более указания на исторические неточности в своих полотнах, если это исходит от людей «достаточно осведомленных в истории и искусстве». В ответном письме В.Б. Фредерикс уведомляет Верещагина, что без предварительного просмотра эскизов он не может гарантировать приобретение двором будущих картин, а посему художнику придется действовать на свое усмотрение. Верещагин не замедлил с ответом: «Я рискую тем, что много полотен больших размеров, из которых каждое займет не менее года времени, останутся у меня на руках, почему и отказываюсь от мысли заниматься далее эпохой 12-го года. Она очень интересна, и я хорошо изучил ее, но боязнь провести остаток моей жизни в работе «pour le Roi de Prusse» («на прусского короля») серьезно останавливает мою руку». Не принимает он и предложения

написать на заказ отдельные эпизоды («Занятие Смоленска», «Совет в Филях», «Конец Бородинской битвы», «В Тарутине») Отечественной войны, поскольку «ни одного полотна ранее, чем через 3-4 года, представить не сможет». Вопрос о продолжении работы над серией «1812 год» остался открытым, а между тем на российский Дальний Восток неотвратимо надвигалась война...

НАКАНУНЕ ГРОЗНЫХ СОБЫТИЙ

Ухудшение отношений России с Японией из-за передачи (1898) Китаем в аренду на 25 лет Порт-Артура, строительства КВЖД и открытия российских лесных концессий в бассейне северокорейской реки Ялу не оставляли сомнений — война неизбежна. Хорошо осведомленный в восточных делах, Верещагин отчетливо сознавал — счет идет уже на месяцы, и если задумку написать серию картин о давно и основательно пленившей его Стране восходящего солнца не осуществить сейчас, то она останется не осуществленной никогда. Кроме творческих замыслов, надо полагать (и это подтверждают письма к Николаю II, о которых речь ниже), имелись и более веские основания для спешного отъезда в Японию в августе 1903 года. На этот раз поездом через Урал, Сибирь, Приморский край во Владивосток, а оттуда пароходом на японские острова.

Пока поезд катил по бескрайним российским просторам, из неспешных разговоров с попутчиками «за жизнь» Верещагину вырисовывается неприглядная картина. Большинство не верят, что «япошки» посмеют поднять меч войны. Дремучая российская беспечность поражает отсутствием элементарных правил безопасности: железнодорожные мосты не охраняются, воинские эшелоны на стоянках беззащитно грабят мародеры. Офицеры болтливы. Кругом нищета, убогость и беспробудное пьянство. Чем дальше от столиц, тем разнузданнее лихоимство, воровство и продажность чиновников всех уровней.

Владивосток наводнен шпионами, выискивающими и вынюхивающими слабые места нашей армии и флота. В письме к Л.В. Верещагиной (21 августа/13 сентября 1903) Василий Васильевич с горечью сообщает: *«По газетам судя, в Японии считают теперешний момент для открытия военных действий наиболее удобный и подходящий. ...У Японии флот и сухопутные войска очень хороши, так что она, в том нет сомнения, причинит нам много зла. ...Поведут*

«Синтоистский храм в Никко», ок.1904

«Японский нищий», ок.1904

войну беспощадно (как того требует кодекс самураев, который Верещагин хорошо знал и подробно описал в путевых набросках первого путешествия в Японию — С.А.), на это последнее наша добродушная нация не способна....У них все готово для войны, тогда как у нас ничего готового, все надобно везти из Петербурга». Читатель, наверное, помнит рассказ капитана 2 ранга Владимира Николаевича Китаева, направлявшегося в Порт-Артур в качестве представителя Невского судостроительного завода, поведенный Верещагину по пути на Филиппины.

Несмотря на «скорые» сборы, поездка в Японию была тщательно спланирована и поддержана на официальном уровне. Еще будучи в Петербурге, Верещагин связался с российским посланником в Токио бароном Романом Романовичем Розеном. Их во время первой поездки в 1884 году в США познакомил Варвара Николаевна Мак-Гохан. В ту пору (1884-1890) барон состоял генеральным консулом в Нью-Йорке. Во время второго путешествия в США (ноябрь 1888 года) Роман Романович представлял Василия Верещагина двадцать второму президенту США Гроверу Кливленду, за предвыборной кампанией которого наблюдал автор

путевых набросков в августе 1884 года.

И вот теперь Розен устроил своему давнему знакомому беспрепятственное перемещение по ощетинившейся на войну Японии, снабдив Верещагина необходимыми рекомендательными письмами, в том числе к японскому консулу во Вла-

дивостоке господину Камакава. Тот, в свою очередь, обеспечил знаменитому живописцу беспрепятственный провоз через таможенную багажа и сообщил приятную новость — барон Розен в настоящее время отдыхает в горах Никко — именно в той местности, куда намерен отправиться русский художник.

Во Владивостоке Верещагин познакомился с молодым новозеландским корреспондентом Доуном Стюартом. Юноша впервые по заданию редакции отправлялся в Японию и просил Василия Васильевича как многоопытного человека оказать покровительство. Верещагин охотно согласился, получив отличного информатора. В частности после посещения английского фрегата, прибывшего во Владивосток с «дружеским» визитом, журналист сообщил: *«По мнению англичан, будет хорошо, если японцы зададут русским основательную трепку, в чем они им (японцам) охотно помогут».*

Закончив все формальности, Верещагин и Стюарт садятся на японский пароход «Айкоку-Мару» и на третий день плавания благополучно прибывают в порт Цуруга. Оттуда поездом через Киото отправляются в Токио. В Киото удалось осмотреть одну из японских военных верфей. Инженер, сопровождавший русского живописца, любезно улыбаясь, неоднократно повторял, что зарисовки на территории категорически запрещены. Всячески уклоняясь от ответов на задаваемые вопросы, гид вел экскурсию торопливо, стараясь не задерживаться у стапелей. Но Верещагин, как опытный человек, к тому же выпускник морского кадетского корпуса, сходу уловил — на верфи идет интенсивная работа по подготовке флота к скорой войне.

...Зерна любви к экзотической стране в душу Василия Верещагина заронил еще в кадетские годы удивительный рассказ Ивана Александровича Гончарова о плавании на фрегате «Паллада», в качестве секретаря начальника экспедиции вице-адмирала Е.В. Путятина. Первое посещение Японии в 1884 году дало желанные всходы, а основательное знакомство с литературой развило и укрепило любовь к Японии, к ее истории, трудолюбивому, талантливому, до необычайности вежливому и настойчивому в достижении поставленных целей народу. Покорили и необычная природа, местный колорит и вековые традиции этой страны. Но особенно очаровали художника знаменитые храмы древнего Никко.

«Кто не видел Никко, тот не может сказать, что знает прекрасное» — гласит древняя японская поговорка. В правоте ее Верещагин убедился воочию. Свое очарование он передает российским читателям: *«Никко... состоит не только из красоты линий и гармонии красок храмов, но и... прелести обстановки, из громадных криптомерии, гор, бурных, шумных потоков, громадных, крытых зеленым мхом камней и т. п. — нужно видеть все это вместе, т. е. не только любоваться филигранной отделкой зданий, но и прислушаться*

«Японка», 1904 г.

к шуму деревьев, грохоту водопадов... чтобы понять впечатление, производимое этим местом... Храмы Никко посещаются столько же из религиозного чувства, сколько и из желания удовлетворить потребность восторженного поклонения изящному, бесспорно врожденному в народе; их посещают как храм, музеем и школу искусств».

Поселившись недалеко от храмового комплекса, Василий Васильевич сосредоточенно работает, делая наброски, создавая этюд за этюдом, а по вечерам на крыльце небольшого аккуратного домика, ставшего временным пристанищем, ведет неспешные беседы с приютившими его хозяевами. По-видимому, и русский художник пришелся по душе аборигенам. Тактичный и вежливый, он везде встречал доброжелательный прием. Делясь с читателями о своих поездках по Японии, Верещагин не без удовольствия сообщает, что местные власти Киото сделали ему исключение, разрешив посетить и подробно ознакомиться с одной из знаменитых школ гейш, куда вход посторонним, вообще-то, категорически запрещен. Итогом знакомства стал великолепный этюд «Японка». На фоне полупрозрачной декорированной бумажной двери изображена молодая женщина в национальном цветистом кимоно со сложной прической, украшающей хорошенькую головку, любующаяся роскошными цветущими хризантемами. У японцев меч и хризантема символизируют силу и нежность — две ипостаси, находящиеся в равновесии. И если

это равновесие, нарушаясь, склоняет чашу весов в сторону силы — древний кодекс самураев пробуждает в народе воинствующий дух, и тогда японец готов с мечом в руках биться до победного конца...

К ноябрю 1903 года обстановка накалилась настолько, что война могла разразиться в любую минуту. По требованию российских дипломатов Василий Верещагин последним пароходом покинул полюбившиеся японские острова. С собой он увозил огромную этнографическую коллекцию, более двадцати набросков и этюдов для будущей японской серии картин...

ТРЕВОГА ЗА РОССИЮ

Возвратившись в Москву в начале января 1904 года, Верещагин предпринимает последнюю попытку вернуться к теме «1812 год». В письме барону В.Б. Фредериксу (21 января/3 февраля 1904 года) он сообщает: *«Я хотел бы приступить к изготовлению двух картин в прибавление к моей истории похода Наполеона в Россию: 1) император Александр I в своем кабинете и 2) генерал Кутузов, обносящий образ Смоленской богородицы накануне Бородинского боя. Года через 3 я мог бы представить государю императору эти два полотна, а к столетию 1812 года и осталь-*

ные четыре». По-видимому, речь шла о ранее упоминавшихся картинах «Занятие Смоленска», «Совет в Филях», «Конец Бородинской битвы» и «В Тарутине», от написания которых Верещагин сначала отказался. Ответа на письмо не последовало. Это молчание Верещагин воспринял как отказ и больше к теме «1812 год» никогда не возвращался.

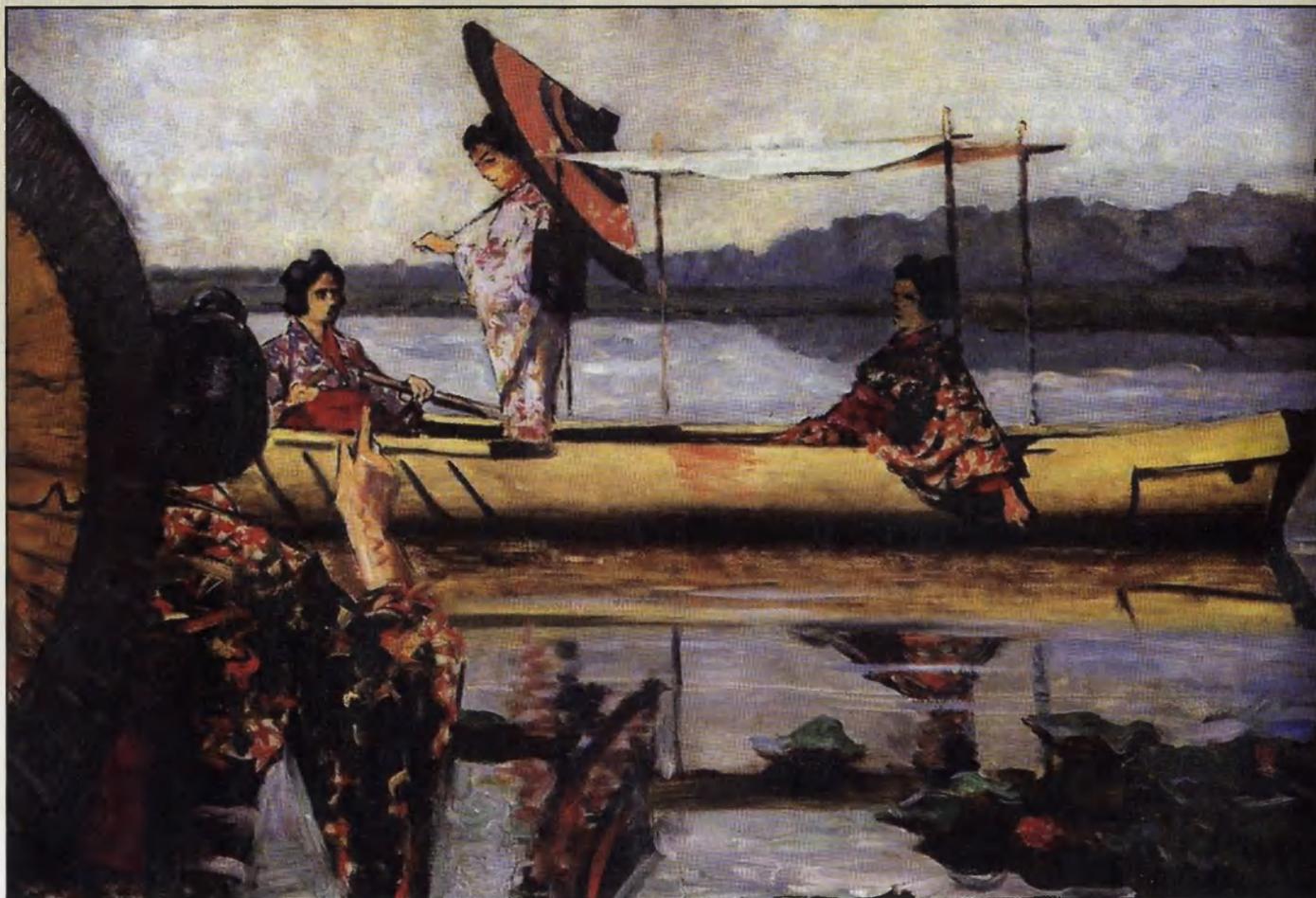
Обеспокоенный за судьбу Отечества, Василий Васильевич со свойственной ему энергией и напором пытается расшевелить сонное царство беспечности российской военной и политической элиты. Предчувствуя надвигающуюся беду, 25 января 1904 года обращается к военному министру А.Н. Куропаткину: *«Многоуважаемый Алексей Николаевич. Барклай-де-Толли, истинный спаситель России, в годину 1812 года был, будучи военным министром, командирован начальствовать армию. Почему и Вам не предложить государю ту же меру относительно Вас. Без лести говорю Вам, что не знаю никого, кто мог бы лучше Вас разделиться с забывшими меру в своих притязаниях японцами, которых удовлетворить нельзя. Замиряясь сегодня, они полезут все равно завтра...»*. И тут же добавляет: *«Пожалуйста, устройте мое пребывание при главной квартире Вашей или другого генерала, если дело дойдет до драки... На всякий случай я предлагаю честное слово не писать и не печатать ничего о военных действиях ... без ведома высшего начальства»*.

А между тем события на Дальнем Востоке стремительно развивались по худшему сценарию. В ночь с 26 на 27 января 1904 года японская эскадра вице-адмирала Того, без объявления войны, на внешнем рейде Порт-Артура атаковала российские броненосные корабли «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». А вторая японская эскадра адмирала Урно, в это же время в бухте Чемульпо, потопила крейсер

«Варяг» и взорвала канонерскую лодку «Кореец». Война стала жестокой явью...

Трагические события потрясли Верещагина. Он едет в Петербург и 30 января 1904 года обращается с письмом к супруге военного министра: *«Многоуважаемая Александра Михайловна. Знаю, что Алексей Николаевич страшно занят, но все-таки прошу Вас уведомить меня, когда можно ему представиться, если он пойдет — ведь был же командирован командовать военной армией военный министр Барклай-де-Толли, — то я готов зачислиться к нему в ординарцы»*. И... не дожидаясь ответа, апеллирует к императору Николаю II. В первом письме от 3 февраля 1904 года он пишет: *«Ваше величество. «Не велите меня казнить, а велите мне говорить»*.

Нервное напряжение, достигшее отчаяния, порождает хаотичные мысли. В пространном письме он то призывает царя освободить Индию и Афганистан от английского колониального гнета: *«...я был в Гималаях до самых соленых Тибетских озер и могу дать вашему величеству много ценных сведений»*. То предупреждает императора о коварности американцев: *«...я пробыл последнее время больше года в Америке и, будучи личным другом президента Рузвельта, зная цену как ему, так и многим американцам, должен заметить, что поведение их против нас прямо вражеское. Нахальство и дерзость их начинают тоже выходить из пределов дозволенного»*. И, наконец, сообщает о Японии: *«только что, возвратившись из Японии, я сожалею, что не имел случая лично доложить вашему величеству о полной уверенности в том, что в умах японцев война была неизбежно решена. ... Теперь, когда «совершилось» и флот наш так жестоко пострадал, горько подумать, что сухопутные силы могут подвергнуться той же участи. ... Прикажете, ваше вели-*

«Прогулка в лодке», 1903 г.

чество, чтобы полумиллионная армия, под командою многоопытного сподвижника и вдохновителя покойного Скобелева, генерала Куропаткина, двинулась против врага, о силе, настойчивости и полной подготовленности которого я говорил, возвратившись из той страны. ...Не сломить, не победить Японию или победить ее наполовину — нельзя из опасения потерять наш престиж в Азии. ...Вся Россия молит ваше величество пребыть твердым до конца, и по примеру покойного предка вашего Александра I произнести громкое слово его: «Не положу оружие, пока не смирю это государство шулера...». В полном смятении проходит неделя, другая. Не получив ответа ни от Куропаткина, ни от государя, Верещагин 15 февраля пишет новое письмо, настойчиво советуя императору: «прикажите генералу Куропаткину немедленно собраться и выехать на Восток, где его присутствие будет стоить помощи в 50 000 человек. Суворов — на языке у всех, но главное суворовское правило — быстрота — не практикуется. ...Вашему величеству и всей России будет спокойнее, когда Алексей Николаевич будет там».

Узнав, что 21 февраля 1904 года японские войска заняли Пхеньян и вышли к реке Ялу, по которой шла корейско-китайская граница и где сосредоточивалась основная часть русских сухопутных войск, Верещагин вновь отправляется хлопотать о разрешении немедленно отправиться на Дальний Восток. И... снова обращается к Николаю II: «Дозвольте вашему верноподданному перед отъездом на Восток еще раз обратиться к вам: мосты! мосты! мосты! Если мосты останутся целы, японцы пропали; в противном случае, один сорванный мост на Сунгари будет стоить половины кампании. ...Кроме тройных проволочных канатов на Сунгари нужна маленькая флотилия, чтобы осматривать шаланды, ибо с начала марта со стороны Гуриа, конечно кишашега шпионами, будут попытки и минами и брандерами. Жаль, что А.Н. Куропаткин собирается не по-суворовски... С дозволения генерала Фредерикса, я буду писать ему и почтительно прошу ваше величество дозволить мне прилагать для вас маленькие наброски местности и типов».

Настойчивость Верещагина достигла цели, ему выделили отдельный вагон в поезде великого князя Бориса Владимировича (внука императора Александра II), отправлявшегося на дальневосточный театр боевых действий.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Отъезд из Москвы был назначен на 28 февраля 1904 года. Накануне возвратившийся из Петербурга Верещагин пребывал в крайне возбужденном состоянии. Прощание с родными было тяжелым. Сын художника вспоминает: «Отец рано утром 28 февраля напился чаю, позавтракал, простился с каждым из служащих в усадьбе, а потом простился с матерью...Нас (детей) перед восьмью часами позвали к отцу в мастерскую. Матери там не было. Она была в таком ужасном душевном состоянии, что уже не владела своими нервами и осталась в своей комнате. ...Отец, крайне взволнованный, только молча прижимал нас к себе и нежно гладил по голове. ... Потом крепко обнял и поцеловал

В.В. Верещагин в Порт-Артуре (справа от Верещагина — главнокомандующий А.Н. Куропаткин)

вал каждого из нас, встал, отвел нас в столовую... вышел в переднюю, быстро оделся, и мы слышали, как хлопнула дверь парадного подъезда.... Вдруг мы услышали быстрые шаги отца. Он стоял на пороге столовой, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели. Старая кухарка покачала сокрушенно головой и громким шепотом сказала: «Вернулся! Ох, не хорошо это! Не быть добру!». С пути следования Василий Васильевич пишет жене: «Мне дали целый вагон — микст, с которым могу прицепляться к какому хочу поезду и останавливаться, где мне нужно,...в нем кроме проводника, еще денщик из стражи, даже варящий мне борщ». Из-под Омска сообщает, что везут много солдат и снарядов: «Говорят, на месте есть уже 100 000 войск, а если японцы дадут передохнуть, то скоро будет и 200 000. Боюсь, что потом будет перерыв из-за весенней воды и размыва дождей...». В своих воспоминаниях Н.И. Кравченко замечает: «Василий Васильевич проехал из Мукдена в Артур. Жил он в вагоне, а где и как работал, никто не знал. Он вообще не любил говорить о своих работах заблаговременно, а в последнее время в особенности...».

Между тем Верещагин опытным глазом отмечает, что к войне ничего не готово, в то время как в столицу регулярно уходят оптимистичные репортажи. Об этом он с возмущением пишет царю: «Не верьте, государь, что Кругобайкальская железная дорога может быть скоро готова — она долго еще не будет в состоянии перевозить войска, и желательно было бы обратить внимание на Амур. ...Затем, можно думать, что если японцы не будут еще к теплomu времени основательно побиты, китайское население зашевелится, потому что систематическое дурное обращение наше с туземцами озлобило их. Я сам был свидетелем кормления туземцев плюхами, и это — на железной дороге; того же, что делалось по сторонам, пересказать трудно, так что попытки восстаний со стороны жителей весьма вероятны и возможны».

Побывав в Порт-Артуре, живописец не скрывает негодования полной бездеятельностью чиновников и вновь обращается к императору: *«Порт-Артур порастил меня малостью своей бухты, так как из западной части вычерпано очень мало за 6 лет. Из-за этого в него нельзя входить — в него втаскивают; из него нельзя выходить — из него вытаскивают. За все 6 лет не вырыли нового дока и не исправили, до годности к исправлению броненосцев, старого. Вовсе забросили док для починки миноносцев. Орудия на батареях и фортах грозных высот, окружающих гавань и город, плохи, по большей части старого образца. Большая часть пушек, включая и мортиры, принуждены молчать, в то время как неприятель стреляет по нам «на счастливое», разбивает, ранит. Закажите побольше быстроходных броненосных крейсеров — все, кому то следует знать, поймут ваше намерение. Общий голос признает, ваше величество, что 26 и 27 января японцы наверно могли взять Порт-Артур, потому что на батареях не было ни одного орудия, а у небольшого количества защитников даже не имелось патронов с собой».*

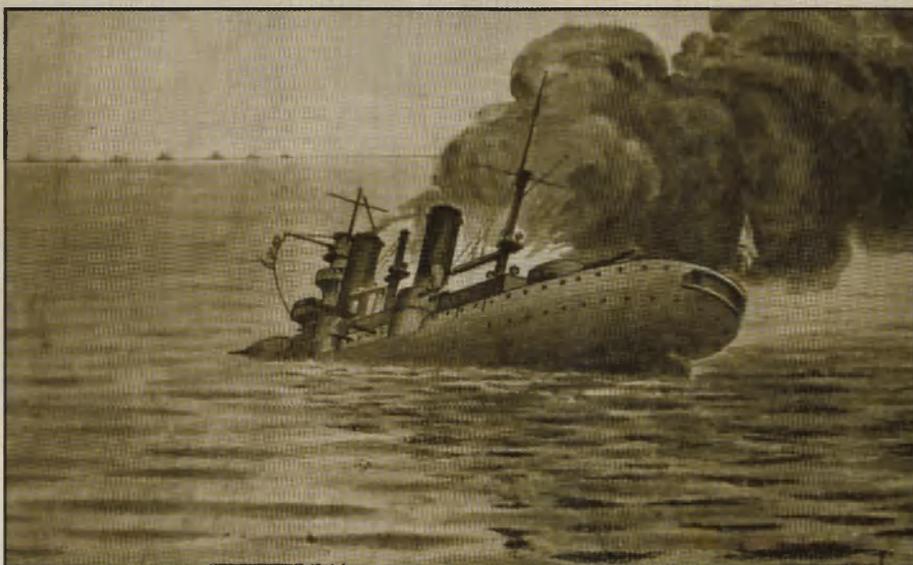
Двумя днями позже судьба привела его снова в Порт-Артур, где он повстречался с вновь назначенным командующим флотом Тихого океана адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым. *«Сейчас еду на адмиральский корабль «Петропавловск», — сообщает он жене 30 марта/12 апреля 1904 года, — с которого вот уже три ночи ездил на сторожевое судно встречать брандер, но без успеха...».* Письмо это оказалось последним.

Что же до цитированных выше писем Василия Васильевича к императору Николаю II, подлинники которых хранятся в Центральном Историческом архиве (Санкт-Петербург), то ни на одном из них не имеется каких-либо пометок. Неизвестно читал ли их государь. Скорее всего, нет. По-видимому, придворная «камарилья», всегда ненавидевшая Верещагина, посчитала нужным оградить императора от нелюбимых оценок дальневосточного военного командования самозванным «штатским» экспертом.

...Пасмурным утром 31 марта (12 апреля) 1904 года в 9 часов 43 минуты броненосец «Петропавловск» при возвращении на внешний рейд Порт-Артурской бухты подорвался на вражеской минной банке и через две минуты затонул. Водолазы, обследовавшие погибший броненосец вскоре после случившейся трагедии, докладывали: *«Мощный взрыв разорвал «Петропавловск» на две части».* Кроме командующего флотом Тихого океана, на броненосце погибли начальник штаба флота контр-адмирал М. Молас, 27 офицеров и 620 матросов, а также знаменитый русский живописец Василий Васильевич Верещагин. Спасти удалось лишь 73 матроса, 5 младших офицеров, командира «Петропавловска» капитана 1 ранга В. Яковлева и великого князя Кирилла Владимировича.

Броненосец «Петропавловск»

Гибель «Петропавловска»

Во время работы следственной комиссии спасенный матрос сигнальщик Бочков показывал: *«Пришли мы на рейд «Петропавловск» впереди. Я стоял на мостике боевой рубки и разбирал сигналы по сигнальной книге. Как дали последний сигнал адмирала «миноносцам войти в гавань», ход замедлили, почти стали. Вдруг корабль вздрогнул, раздался ужасный взрыв; за ним другой, третий, как будто у середины под мостиком. Корабль наш креноло. На мостике увидел я адмирала, он лежал в крови ничком. Я бросился к нему, хотел поднять. Корабль точно куда-то падал. Меня потянуло вниз. Помню еще падающие мачты, потом — ничего. Был у нас на корабле старичок, красивый с белой бородой, все что-то в книжку записывал, стоя на палубе. Вероятно, утонул. Добрый был...».*

Так закончил свой трудный жизненный путь славный сын многострадальной России художник-патриот Василий Васильевич Верещагин...

Под заголовком статьи: картина художника Е.И. Столица «Вице-адмирал С.О. Макаров и художник-баталист В.В. Верещагин в каюте броненосца «Петропавловск» в 1904 году».